Звезда
г. Пермь
28 МАР 1968

пунктов. Эта замечательная горьковская традиция осуществляется на практике советскими историками и в наши дни.

С целью приобщения молодежи к литературной жизни по предложению Горького был создан журнал «Литературная учеба», организован литературный институт, который в настоящее время носит его имя. С легкой руки писателя в нашей стране начали выходить журналы «Летопись», «СССР на стройке», «Колхозник» и другие, которые широко пропагандировали наши достижения, несли разносторонние знания в массы.

Всю свою жизнь Горький был боевым, темпераментным общественным деятелем. В «Беседах о ремесле», написанных в 1930 году, он признавался: «Лично я — никогда не чувствовал и не чувствую себя «исключительно литератором», всю жизнь занимался — в той или иной области — общественной деятельностью и до сего дня не утратил тяготение к ней. Молодые литераторы часто жалуются, что «мелочная общественная деятельность поглощает слишком много времени, нарушает творческую работу мысли» и т. д. Жалобы эти я считаю неправильными».

ПОЧТИ одновременно со славой всероссийской к Горькому пришла и мировая слава писателя и общественного деятеля. Представители мировой культуры воспринимали Горького как старшего среди равных. Рост его авторитета за рубежом объяснялся не только личным влиянием на того или иного крупного деятеля культуры, но и тем, в первую очередь, что он в своем творчестве с необычайной художественной силой ставил большие социальные проблемы мировой истории и решал их с позиций нового передового мировоззрения. Стефан Цвейг вспоминает: «Трудно описать, с какой стихийной силой уже первые произведения Горького потрясли Европу, словно разорвалась завеса, треснула стена, и все с изумлением, почти с испугом поняли, что впервые заговорила другая, неведомая дотоле Россия...».

Горький сыграл выдающуюся роль в мобилизации передовой интеллигенции всех стран и народов на борьбу с реакцией, с коричневой чумой человечества — фашизмом. Разоблачению этого зла он отдавал все силы ума, таланта, все свое сердце. Поддерживая таких выдающихся деятелей европейской культуры, как Ромен Роллан, Стефан Цвейг, Анатоль Франс, Иоганнес Бехер, Бернард Шоу, Томас Манн, Уэллс и многих других, Горький одновременно подвергал принципиальной критике тех представителей западной интеллигенции, поборников классового мира, которые работали «на врагов своих». Он призывал интеллигентов Европы и Америки всмотреться в тот великий процесс строительства новой жизни и новой культуры, который происходил в Советском Союзе. Горький прямо ставил вопрос: «С кем вы, «мастера культуры»? С чернорабочей силой культуры за создание новых форм жизни или вы против этой силы, за сохранение касты безответственных хищников, касты, которая загнила с головы и продолжает действовать уже только по инерции?» Книги Горького помогли мастерам культуры зарубежных стран проявить те черты творчества, которые связывают их с народом, нужны для решения задач борьбы за прогресс человечества против черных сил реакции.

Особой популярностью произведения Горького пользовались на Урале. Объяснялось это не только их высокой художественностью и правдивостью показа жизни. Со всей страстностью, беспощадно разоблачая угнетение эксплуататорами людей труда, положение которых на Урале было исключительно тяжелым, слово Горького находило особенно горячий отклик среди горнозаводского населения Урала, опутанного полукрепостническими пережитками. Вот почему пьесы Горького «На дне», «Мещане», «Враги» пользовались исключительной популярностью на подмостках самодеятельных театров заводов и рабочих поселков.

По мере развития творчества Горького в нем все более и более уделяется внимания Уралу с его своеобразной историей, неиссякаемыми природными богатствами, его людьми, прекрасными своим умом и трудом.

В одном из своих выступлений в 1912 году Горький говорил о «богатствах России на Урале». Он побывал в Перми летом 1894 года; собирался, как писал «пробраться на Урал,— в Екатеринбург и дальше», но по не зависящим от него причинам замысел не был осуществлен. Художественное воплощение уральской темы мы находим в таких произведениях, как «Исповедь», «Бабы», «Рассказ о необыкновенном», «По Руси», «Жизнь Клима Самгина» и других. Он рекомендовал писателям обратить внимание на «Урал, Сибирь, Волгу и другие области». Изображая уральских рабочих, чудо-богатырей, на уральском материале показывал лучшие черты русского народа, ставил и решал проблемы общероссийского масштаба.

Выдвигая идею создания истории заводов, Горький, в частности, называет те уральские заводы, о которых надо рассказать в первую очередь: «Нижне-Тагильский, Мотовилихинский, Кыштымский». При самой активной поддержке и под редакцией Горького вышла в свет написанная рабочими Высокогорского рудника книга «Были горы Высокой», рассказавшая о старой и новой жизни пролетариев Урала. Горький поддерживал тесную связь, практически помогал уральским писателям и поэтам: А. Г. Туркину, П. И. Заякину-Уральскому, П. П. Бажову, В. В. Каменскому, А. П. Бондину и многим другим. Дружеская критика, советы старшего, умудренного опытом товарища, и всякого рода указания Горького в письмах и при личном общении с уральскими литераторами способствовали росту их художественного мастерства и общему развитию литературы в нашем крае.

ТВОРЧЕСКОЕ наследие Горького — это неоценимое богатство нашего народа, гордость советской и мировой культуры. Пламенный патриот, Горький умел будить в людях самое лучшее, вдохновить их, укрепить веру в себя, дать крылья их мечте. Великий учитель жизни, Горький и сегодня с нами. С нами — в лучших произведениях современной литературы и искусства. С нами — во всех достижениях советского народа, строящего коммунистическое общество.

Ф. ГОРОВОЙ,
заслуженный деятель науки РСФСР, доктор исторических наук, ректор Пермского университета имени А. М. Горького.

ЖИВЕТ ВЕЧНО

ОКАМЕ И ПЕРМИ у Горького сохранились невеселые воспоминания, как и всегда двойственные: с одной стороны, его потрясала красота впервые увиденного мира, с другой,— были люди, задавленные скотской моралью капитала.

Трудно ему доставалось открытие мира и каждое новое знакомство обнажало перед ним прекрасную душу русского человека, замордованную оголтелым, диким русским капитализмом. И всегда бунтующую душу.

Конец семидесятых годов прошлого века. Алеше Пешкову двенадцатый год. Он последний человек на пароходе «Добрый»—младший посудник.

Пароход старый, рыжий, с белой полоской на трубе. На длинном буксире за пароходом тянется баржа, тоже рыжая, прикрытая по палубе железной клеткой. Ночь. Все богато облито лунным серебром, как свеча, блестит штык часового на носу баржи. Арестанты, осужденные на каторгу, смотрят на воду, прижавшись к решетке.

В густой тьме качаются желтые фонари: пристань Пьяный бор. «Крупные камские бабы и девки таскали с берега дрова на длинных носилках. Изгибаясь под лямками, упруго пританцовывая, пара за парой они шли к трюму кочегарки и сбрасывали полсажени поленьев в черную яму, звонко выкрикивая:

— Трушша!

Когда они шли с дровами, матросы хватали их за груди, за ноги, бабы визжали, плевали на мужиков...».

«Мне казалось, что я старый,— заканчивая описание этой картины, передает свое настроение Горький.— Хотелось плакать, слезы кипели в груди... А иногда хотелось крикнуть какие-нибудь добрые ласковые слова. На берег и на баржу».

Он подолгу мог смотреть на рыжую баржу, которую тащил пароход, стараясь рассмотреть лица людей, сидящих за решеткой, как звери. Он увидел их только в Перми, когда арестантов по сходням сводили на берег. Звякая кандалами, они шли мимо Алеши, шли мужчины и женщины, такие же, как и все люди, только одеты в арестантское и обезображены бритьем...

И так было везде, по всей великой богатой и нищей Руси, так было не только на Каме, но и на всех реках, больших и малых. Конечно, на Волге и на Каме — этих великих европейских реках все сказывалось ярче и грубее, потому что они — центр страны: ближе к капиталистической «цивилизации». здесь гуще население и его легче грабить.

Везде было так, но мне захотелось выделить нашу Каму просто потому, что она нам ближе, хотя бы в силу территориальной привязанности, и нам, пермякам, естественно, хочется увидеть непосредственную физическую связь Горького с Уралом. И ту великую историческую связь времен с прошлым, и ту, душевную, глубокую связь чувств, настроений, интересов, которая может быть передана только силами искусства и литературы.

И то, что рассказано Горьким о Каме и Перми, нам дорого вдвойне. Хотя не только этим «физическим присутствием» он дорог нам. Неизмеримо огромнее постоянное и все усиливающееся присутствие Горького во всей духовной жизни нашей.

ПОСТОЯННОЕ присутствие Горького среди нас ощущается везде и повседневно. Кроме театра, кинематографа, телевизора и радио, есть еще призывное и задушевное горьковское слово — книги. То есть то основное, чему отдана вся его жизнь, все помыслы и все душевные и физические силы.

Книга сделала Горького — Писателя и Человека. Только этим и объясняется тот замечательный и, кажется, единственный в истории последнего времени случай, когда человек, не получивший даже скудного начального образования, сделался одним из высокообразованных людей мира. Это сделали книги и постоянный труд, труд беспощадный по отношению к самому себе. Он вырос среди трудовых людей, и убеждение, что только они достойны владеть миром, его не покидало.

Конечно, было бы упрощенно думать, что вот, мол, человек почти не учился в школе, а только читал книги, наблюдал жизнь, бедствовал. И получился писатель, прославившийся на весь мир. Талант рождается вместе с человеком, и надо иметь огромное мужество и волю, чтобы, осознав свою талантливость, продолжать учиться еще настойчивее, работать до изнеможения и в каждом человеке видеть носителя знаний, обогащающих душу.

Непременным признаком советской литературы является ее глубинная партийность. Горький не был членом партии, но это только формально. В самом деле вся его деятельность, как гражданина, вся его литературная работа, его книги, статьи, его редактура, все было проникнуто высокой ленинской идейностью.

Он постоянно напоминал нам о том, что в мире еще много стран, где власть над рабочими и крестьянами находится в руках человеческого отребья, в руках капиталистических выродков и что «наполеон, изготовленный по-немецки», угрожает трудовому народу всей земли. Он учил нас ненавидеть силой слова разил мещанство.

«И, если вы хотите быть честными людьми, то должны быть революционерами»,— так писал Алексей Максимович в 1928 году литкружковцам города Покровска.

«Дорогие товарищи! Лично меня не интересуют споры критиков..». Так он ответил на письмо литкружковцев, сказав о том, какой по его мнению должна быть литература и каким должен быть литератор в Стране Советов.

Писатель «не должен подчинять себя ядовитому хламу «бытовизма». И особенно молодые писатели, на которых «История возложила... великий труд — быть проповедниками нового отношения к человеку, учителями строения новой жизни». А для этого и самому надо много и упорно учиться, потому что только тогда, «когда человек знает, как огромна и величественна цель, поставленная им себе, он становится еще сильнее».

Но прежде всего надо быть честным человеком, надо быть революционером всегда и во всем.

Мудрое и величественное наследство оставлено всем людям великим гуманистом и выдающимся человеком. Всем и особенно писателям, литераторам и молодым и немолодым. И то, что им было сказано и написано тридцать лет назад и пятьдесят, равнозначительно, хотя не всеми может быть принято безоговорочно. В этом, наверное, и заключается необыкновенная и великая жизненность горьковских высказываний, что с ними и сейчас, через много лет можно спорить и хочется спорить. Они живы! С мертвым не спорят. О мертвых или хорошо, или ничего.

Такое желание поспорить с Горьким, как с живым, свидетельствует об отсутствии в его поучениях, советах, страстных утверждениях даже тени догматизма. Вот что он писал А. С. Серафимовичу: «Мы проповедуем, молодежь слушает нас, но, к сожалению, редко подвергает проповеди наши критике — это, должно быть, из почтения к нашей дряхлости».

Везде и всегда он призывал к критическому отношению ко всяким утверждениям, особенно, если это касалось литературного мастерства. Тут он и сам был беспощаден, и от других требовал того же.

О СЛОВЕ, о языке — главном оружии литератора Горький говорил много и веско, не уставая напоминать, что только острым оружием можно бороться за коммунизм. «Необходима беспощадная борьба за очищение литературы от словесного хлама, борьба за простоту и ясность нашего языка, за честную технику, без которой невозможна четкая идеология».

Нам надо стремиться к тому, чтобы знать и любить русский язык так, как знал и любил его Горький. И так же бороться за его чистоту. Он бережно и настойчиво учил этому молодых писателей. Но когда дело касалось писателей известных, прославленных — тут он был резок, прям и в выражениях не стеснялся. Панферов, Серафимович, Шагинян, Новиков-Прибой и еще многие не раз подвергались его сокрушительной критике, именно за небрежность в языке.

— Я спрашиваю вас, Серафимович, и единомыслящих с вами: возможно ли посредством идиотического языка,.. изобразить героику и романтизм действительности, творимой в Союзе Социалистических Советов? Нам нужно вспомнить, как относился к языку Владимир Ленин». (Открытое письмо А. С. Серафимовичу)

Словесное штукарство, языковая малограмотность — признак низкой культуры и идеологической малограмотности. Так утверждал Горький, и это совершенно бесспорное утверждение надо понять и особенно тем молодым литераторам, прозаикам и поэтам, которые чистоту и ясность русского языка пытаются замутить всяческой заумью и смысловыми витиеватостями.

Об этом надо напомнить сегодня всем работникам искусства, всем литераторам и особенно тем, которые плохо знают Горького, как изумительного учителя-товарища, или совсем не знают, высокомерно утверждая, что будто бы они так уж далеко ушли, что уроки полувековой давности не нужны.

МЫ, ЛИТЕРАТОРЫ старшего поколения, были современниками Горького. У нас и тогда возникали всякие протестантские мысли. И мы восставали против своих учителей. То есть это нам так казалось, будто мы восстаем, а в самом деле мы только подтверждали требование Горького — искать свои пути в литературе. При этом мы с особенным жаром накинулись на тех догматиков, которые исступленно требовали от нас совершенно уж неприемлемого:

— Шляпу Горького увидишь — поклонись ей!

Знаменитая шляпа, которая в сущности была нам знакома только по старым портретам Горького, доканала нас. В начале 1932 года мы — молодые самарские рапповцы, организовали свою группу. Сейчас уже трудно вспомнить, чем мы собирались обогатить человечество, но отлично помню, что выступили против рапповщины, против догматизма в литературе и еще помню, что в подзаголовке нашей декларации мы написали: «Долой шляпу Максима Горького!» Ту самую шляпу, перед которой нам предлагалось склонять голову.

Этот документ мы направили в РАПП и копию самому Горькому. Он нам не успел ответить, а рапповцы всполошились. Но уже наступило знаменитое в истории советского искусства 23 апреля 1932 года, когда появилось решение Центрального Комитета партии «О перестройке литературно-художественных организаций» и, значит, о ликвидации РАППа.

Мы скоро поняли, что если бы мы внимательно прислушивались к горьковским мыслям, которыми он так щедро делился с любым и каждым, то сообразили бы, что утверждать себя как литераторов можно **только постоянным трудом**, но уж никак не внутриорганизационной борьбой.

ВЕРОЯТНО, по молодости литературного стажа я не удостоился чести быть делегатом первого съезда советских писателей, но я приложил все усилия для того, чтобы стать участником его. Мне удалось достать пропуск на несколько заседаний.

Колонный зал: бриллиантовые люстры отражаются в зеркалах, сверкают белые колонны, на стенах портреты великих — Пушкин, Шекспир, Толстой, Гоголь, Мольер. В президиуме и в зале мои современники: Леонов, Эренбург, Сельвинский, Лебединский и многие другие, которых я знаю только по их книгам и по портретам. Вся советская литература здесь, в этом самом большом зале столицы.

И вот именно теперь, увидав на трибуне Горького, услыхав его голос, я замер, как, вероятно, и все семьсот делегатов, заполнивших этот зал. Мне сейчас трудно вспомнить, о чем я думал тогда, что чувствовал. Вспоминая тогдашнее мое состояние, мне представляется, что именно тогда я увидел Горького — зачинателя советской литературы, великого мыслителя. Но, вероятно, это, только потом я так подумал. В то время я видел просто обыкновенного гениального писателя и умного учителя, который рассказывает мне, как я должен жить, учиться и работать, чтобы заслужить право называться советским писателем.

Я отчетливо помню одно только свое приподнятое состояние, которое помешало мне тогда понять всю глубину простых истин, из которых возводил Горький прочное здание советской литературы. И, наверное, не у одного меня было такое состояние восторженности и любви к нему. Выступая через несколько дней с речью, Горький должен был не совсем шутливо заметить:

«Уважаемые товарищи, мне кажется, что здесь чрезмерно часто произносят имя Горького, с добавлением измерительных эпитетов: великий, высокий, длинный и т. д.».

И потом добавил:

«Измерение роста писателей — дело читателей».

Через несколько дней, закрывая съезд, он с торжественной простотой напутствовал нас — писателей:

«Дружно, стройно, пламенно — за работу! Да здравствует... всесоюзная красная армия литераторов!»

Лев ПРАВДИН,
писатель.

К ТОРЖЕСТВУ ПРАВДЫ

ЕСТЬ ПЬЕСЫ счастливой судьбы. Политический пафос, художественные достоинства новаторского характера, общественная значимость вопросов, поднятых ими,— сразу определяет их судьбу. Пьесы эти перерастают рамки своего времени, границы культуры одного народа и страны и становятся мировым событием. Такова пьеса Горького «На дне». Она была поставлена Московским Художественным театром 18 декабря 1902 года и имела огромный успех.

Пьеса вскоре нашла дорогу на сцены Европы и Америки. Уже в первые годы своего существования увидела свет рампы в Берлине, Веке, Стокгольме, Париже, Риме, Софии, Нью-Йорке, Токио и во многих других городах. Она до сих пор идет на сцене Художественного театра, пережив три поколения исполнителей и смену нескольких поколений зрителей.

Сегодня даже людям, далеким от литературы и театра, известно, что знаменитая фраза «Человек — это звучит гордо!» — из этой пьесы. Она выражает не только художническую позицию самого Горького, она — сущность наших действий сегодня, определяет смысл всех наших поисков, радость открытий.

Готовясь встретить столетнюю годовщину со дня рождения А. М. Горького, наш театр остановил свой выбор на философской драме «На дне».

Пьеса трудна для постановки. В ней нет привычного сюжета, который бы напряженно поддерживал внимание зрителя неожиданными поворотами, нет эксцентрических характеров. Но есть в ней то, что с избытком восполняет отсутствие привычных драматургических построений. Это обнаженное столкновение различных точек зрения в вопросе: «Что есть человек?»

Известно, что западное буржуазное искусство стремится создать образ человека-зверя, человека-садиста, который сам по себе и в себе несет свое мрачное будущее.

Мы, погружаясь вместе с Горьким на дно жизни, хотели присоединить и свой голос ко всем, кто утверждает обратное: «Человек — это великолепно». Гражданская взволнованность этой темы определила подход к пьесе. Даже нас, хорошо знающих пьесу, поражает масштаб той проблемы, которую решает могучий талант Горького. Но именно в этом масштабе и сложность. Идея должна прозвучать. И прозвучать сильно. Значит, надо играть пьесу глубоко, открывая в ней самое главное и сокровенное. Но как? Ведь уже знаменитые театры мира сказали здесь свое слово. Повторить? Но тогда — где искусство? Все эти вопросы заставляли нас, коллектив театра, думать и думать.

Внешне пьеса «На дне» проста. Ночлежка и ее обитатели. Их жизнь. Нехитрые события видны даже непрофессиональному глазу и построить на сцене по ним жизнь любому театру и актеру вовсе не трудно. Однако жизнь, построенная по такому принципу, не откроет особенности пьесы «На дне», ее глубокого философского содержания. Поэтому весь привычный подход к строю произведения не годился для работы над постановкой, и почувствовали мы это довольно быстро, поняли, что увлечение индивидуальными особенностями изображаемого человека мешает проникновению в его внутренний мир. И то, что мы хорошо и детально знаем ее, могло превратиться в барьер, который закроет живую ткань пьесы.

С первых репетиций мы сосредоточили внимание на личности, которая пытливо вглядывается в жизнь и заявляет свое мнение о ней.

«Ты везде лишняя, да и все люди на земле лишние» — так остужает Бубнов стремление Насти уйти на другую квартиру. Взгляд этот не раз подтверждается потом: «Люди все живут... как щепки по реке плывут... строят дом... а щепки—прочь...» Бессмысленность человеческого существования — такая бубновская правда — огромное зло для человека, удар, обезоруживающий его, делающий никчемными его усилия, направленные к переделке мира.

И, значит, решая спектакль, мы, желающие утвердить главную правду, полярную бубновской: человек — это великолепно, человек — это звучит гордо, должны развенчать эту страшную правду бубновых...

Как мы шли к этому?.. Ответить на такой вопрос в эту минуту я не возьму на себя смелость. Говорить даже о том, что, на наш взгляд, найдено в постановке, гораздо труднее, а главное — неблагодарнее, чем искать. А искать всем нам пришлось немало. В пьесе много героев, у каждого свой мир, свое отношение к людям, к понятию — человек. Как сталкивается, как борется все это,— немыслимо растолковать. Это надо увидеть. Спектакль поставили. Зрители ходят в театр, смотрят. Им и судить нашу работу, наши поиски.

А я могу лишь сказать о том, чего нам очень хотелось добиться. Мы старались донести до людей то главное, чем наполнена не только эта пьеса великого писателя, но и все его творчество: это мысль, что в человеке живет зерно прекрасного, светлого. И зерно это, какие бы мерзости и тяготы жизни ни давили его, обязательно прорастает, пробивается к свету. Знаменитое горьковское творение «На дне» дает богатейший материал для обнажения этой мысли.

Я говорю: мы старались. А стараясь, естественно, отдавали спектаклю все силы. И теперь с нетерпением, с понятным волнением ждем зрительского слова о нашем труде.

И. БОБЫЛЕВ,
главный режиссер Пермского драматического театра.

«ЕСЛИ МОЖЕШЬ—ДОЛЖЕН»

Случилось так, что мы очень рано остались без отца. Годы были послевоенные. Мать старалась изо всех сил, но ее зарплаты едва хватало, чтобы свести концы с концами. Окончив пять классов, я оставил школу и отправился на заработки.

Конечно, даже те нелегкие годы нельзя сравнивать с временами, когда оказался «в людях» Алексей Пешков. Но трудно сказать, как бы сложилась моя жизнь, не будь встреч с героями великого писателя.

Сначала, помню, попал мне сборник рассказов, потом я достал его «Детство». И с каждой прочитанной страницей росла любовь к книгам. Я открывал для себя Чехова, Тургенева, Дюма, но самым близким и родным оставался Горький. Тогда же подростком решил: прочитаю все, что написано этим человеком. Работал я вначале на кирпичном заводе, затем поступил на калийный комбинат. Немало людей встретилось на пути. Приглядывался к ним и все больше убеждался — прав Алексей Максимович: хороших и честных на земле больше.

Никогда не забыть одного из первых моих наставников — дядю Федю. Нескладный, с некрасивым лицом, он преображался, когда подходил к станку. По-мальчишески непосредственно я сразнивал его с любимыми горьковскими героями. Дядя Федя не просто обучал секретам слесарного ремесла — он вселял в каждого новичка уверенность, учил любую работу делать с душой, красиво. Встречи с такими людьми укрепляли веру в правду книг.

После большого перерыва я снова стал учеником средней школы. Теперь уже вечерней. Начал серьезно задумываться о своем будущем, о призвании. Мне нравился калийный комбинат, я сдружился со многими его людьми, привык к ним. Решил поступить в горнохимический техникум. Поступил. Но проучился недолго. Любовь к книгам взяла свое. После долгих размышлений оставил техникум и приехал сдавать вступительные экзамены на заочный факультет русского языка и литературы Пермского педагогического института.

Сейчас я уже на пятом курсе. Позади десятки экзаменов, зачетов, контрольных работ, педагогическая практика. Бывало всякое. Но всегда, в самые трудные минуты, как наяву, звучал голос Алексея Максимовича: «Если можешь — должен».

Институт дал мне, конечно, многое. Я глубже узнал и полюбил русских и зарубежных писателей, открыл для себя многие имена. Понятно, что читать приходится немало. Но как бы ни было трудно со временем, я всегда нахожу часдругой для Горького, потому что он больше чем писатель, он остается самым дорогим человеком, учителем, у которого всегда можно получить добрый совет и поддержку. Кстати сказать, так относится к Алексею Максимовичу вся наша семья. Нередко кто-нибудь читает Горького вслух. Семейные чтения стали традицией, потребностью.

Да, книги Горького сегодня — наша потребность. Но вот что меня тревожит. Как-то заглянул я в формуляры молодых читателей нашей заводской библиотеки. И увидел: больше, много больше могло быть записано там произведений Горького. «Читают в основном то, что требует школьная программа»,— пояснили мне библиотекари.

Но совсем недавно в той же библиотеке у меня был разговор с одним пареньком.

— Горького читаете? — обратился он ко мне.— Интересно?

Я долго рассказывал ему о любимом писателе. В глазах у собеседника загорелось любопытство.

— Я, честно говоря, об этом не слыхал,— откровенно признался он.— В школе «не проходили».

Рассказал я об этом не для того, чтобы делать какие-то обобщения. Но очень обидно, что в иных школах Горького «проходят» казенно. А в библиотеках кое-где считают, очевидно, что Горький так знаменит, что читатели спросят его сами, и не предлагают. А ведь как беден человек, если он не прикоснулся к огромному и прекрасному миру Горького.

Не говоря уже о себе самом, я знаю многих и многих, кому книги Горького помогали, помогают и будут помогать в жизни.

В. БЕЗУКЛАДНИКОВ,
слесарь Соликамского калийного комбината, студент заочного отделения Пермского педагогического института.

Два снимка, два времени, так не похожих одно на другое. Читателю не составит труда узнать место, попавшее в объектив фотоаппарата на верхнем снимке. Пермский речной вокзал. Могучие теплоходы. Бетонная набережная. Зеленый сквер... Таким видим мы этот кусочек набережной в летние дни.

А вот тот же берег. Таким видел его Алеша Пешков, будущий великий писатель, когда плавал на пароходе мальчиком-посудником.

Впрочем, везде так. Украшается, преобразуется земля, которую знал великий писатель.

ДВА АВТОГРАФА

«Из всех русских писателей всего больше уважаю я Горького. Он — философ, гуманист, общественный деятель и замечательный художник. Читаешь его книги, и будто разговариваешь с близким, душевным другом». Эти слова принадлежат К. Э. Циолковскому.

Дружбе этих двух замечательных русских мыслителей было посвящено состоявшееся в Калуге научное заседание сотрудников Государственного музея истории космонавтики имени К. Э. Циолковского.

Заочное знакомство Горького и Циолковского началось в 1928 году, когда Константин Эдуардович послал писателю свою брошюру «Причина космоса». Она вызвала большой интерес у Алексея Максимовича. «Любопытный, должно быть, народ калужане, если они способны эдакие причины открывать»,— писал он своему другу С. В. Щербакову.

— Давно слежу за этим человеком. Книжки его читаю. Замечательный ум. Его по-настоящему оценят много позже, —говорил Алексей Максимович. В 1930 году в письме из Сорренто Горький поручает писателю-калужанину Константину Алтайскому написать очерк о Циолковском для журнала «Наши достижения».

В 1932 году, когда вся страна торжественно отмечала 75-летний юбилей «отца космонавтики», в Калугу на имя Циолковского пришла следующая телеграмма: «С чувством глубочайшего уважения поздравляю Вас, герой труда. М. Горький». В ответ на приветствие К. Э. Циолковский подарил Алексею Максимовичу свою работу «Монизм вселенной» с такой надписью: «Дорогому писателю и мыслителю М. Горькому от автора».

(ТАСС).

На 1-й странице — портрет А. М. Горького работы худ. А. Зырянова. Оформил номер худ. Г. Вяткин.